

Я.А. ГОЛУБИНОВ

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: ДИНАМИКА И ДИАГНОСТИКА

*Статья написана в рамках проекта РГНФ №14-03-00036
«Пространственно-временная диагностика города: хронотипия и хронотопия»
с участием дортмундского Международного образовательного центра
(IBV Dortmund) во время образовательной поездки
«Перспективы общеевропейской культуры памяти»*

В данной статье рассматриваются, интерпретируются и оцениваются изменения, произошедшие с мемориальным дискурсом восточноевропейского общества за последние несколько десятилетий и касающиеся, прежде всего, коммеморативных практик, связанных с событиями Второй мировой войны.

Ключевые слова: культурная память, коммеморативные практики, Восточная Европа, Вторая мировая война

Голубинов Ярослав Анатольевич - доцент кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет. E-mail: i.golubinov@gmail.com

I.A. GOLUBINOV

CULTURAL MEMORY: DYNAMICS AND DIAGNOSTICS

The article is concerned with the dynamics of memorial discourse of Eastern European society during last decades, and especially with commemorative practices devoted to the Second World War.

Keywords: cultural memory, commemorative practices, Eastern Europe, Second World War

Golubinov Iaroslav Anatolievich - assistant professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University. E-mail: i.golubinov@gmail.com

Последние несколько десятилетий можно наблюдать настоящий мемориальный бум в Европе, в ходе которого память общества и отдельных его групп, а также индивидуальная память стали предметом пристального научного интереса [4]. Казавшаяся единой память многих народов вдруг предстала пёстрым одеялом, сшитым подчас из самых разных лоскутов, среди которых можно найти кусок шинели солдата, женского платья или робы заключённого.

Вслед за Алейдой Ассман культурная память понимается в данном случае как «транспоколенческая» коммуникация, направленная на «обеспечение повторяемости (символические практики)» и «обеспечение долговременности (материальные репрезентации)» [1, с. 54, 59]. Характерно, что довольно быстро разговор о культурной памяти Второй мировой войны и сопутствующих ей практиках (музейная деятельность, открытие мемориальных комплексов, сооружение коммеморативных объектов наподобие табличек или памятников и т.п.) во многих странах перешёл в политическую плоскость и стал частью дискурса политической памяти. Подобный процесс не явля-

ется чем-то новым и характерен для многих эпох [4, с. 23; 5, с. 82 и др.]. Для второй половины XX в. это особенно характерно, недаром в это время стало заметно обращение исследователей «к проблемам коллективной (или социальной) исторической памяти» и вообще систематическое изучение «различных аспектов “использования прошлого” (включая технологии политического манипулирования) и “риторики памяти” (как риторики “прогресса и модернизации”, так и риторики “упадка и ностальгии”», а также конкурирующих мемориальных практик» [8, с. 10].

В данной статье речь пойдёт о тех формах, что приобрела память о Второй мировой войне в первую очередь в государствах, бывших частями СССР, и странах, находившихся под его непосредственным политико-идеологическим влиянием (в первую о Беларуси, Польше и Германии, её восточной части). Не претендуя на тотальный охват всех явлений, автор всё же ставит своей целью охарактеризовать динамику культурной памяти и выявить те моменты, в которых между этими странами наблюдаются наиболее существенные отличия.

Память о Второй мировой войне (в СССР в первую очередь обращали внимание на советско-германский конфликт внутри неё, т.е. Великую Отечественную войну) является хорошим примером манипуляции культурной памятью со стороны различных политических сил. Так, после распада СССР даже само название войны и, особенно, дня её окончания (ставшего, пусть и не сразу, одним из главных советских государственных праздников) является предметом споров между политическими активистами и историками различных стран. И, если Россия, например, придерживается официально названия, сохранившегося ещё с советских времен (День «Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» [10]), то в Беларуси название праздника 9 мая (просто – День Победы) дано в специальном нормативно-правовом акте без уточнения названия военного конфликта и его хронологических рамок [2]. На Украине же в последнее время наблюдается решительный отход от советской традиции в сторону большей вовлечённости праздника в общеевропейский контекст (было произведено официальное его переименование в «День победы над нацизмом во Второй мировой войне (День победы)» [3]. В этом Украина походит на Польшу, в которой праздник был перенесён с 9 на 8 мая, а его название изменено с «Национального Дня Победы и Свободы» (оно существовало с 1945 по 2015 гг.) на «Национальный День Победы» [18].

Подобные мемориальные споры естественным образом отражаются и на пространствах памяти, изменяющихся или впервые формирующихся в городах бывшего СССР и Восточной Европы. Эти мемориальные пространства создаются обыкновенно там, где действительно имели место события, сыгравшую определённую, пусть и незаметную, роль в истории Второй мировой, и до сих пор сохраняются, специально или случайно, артефакты той эпохи, либо же искусственно конструируются как «места памяти» для сохранения воспоминаний и распространения информации о прошлом.

Конечно, эти мемориальные пространства (специальные комплексы на месте битв или концлагерей, кладбища, музеи и т.п.) функционируют с учётом местной специфики. Во-первых, они транслируют коммеморативные усилия государственной власти. Для современной России как главной наследницы СССР, а также отчасти для Беларуси опыт военной победы является необходимым условием консолидации всей нации, и

специальные коммеморативные учреждения и практики, такие как музеи или парады, призваны этот опыт воспроизводить постоянно.

Для Украины, ищущей свою политическую и национальную идентичность не только и не столько в советском прошлом, память о войне становится далеко не столь однозначной. Польша же делает акцент в данном случае не столько на военных победах, сколько на страдании населения. Темы концлагерей, т.н. «остарбайтеров», коллаборационизма звучат в современной Польше с особенной силой, при этом последовательно продвигается идея примирения и диалога. В данном случае, примирения и диалога с рядом лежащей Германией, которая теперь выступает не как извечный соперник или враг, а как партнер по европейскому содружеству.

Во-вторых, пережитый социумом опыт также диктует свою специфику. Германское общество после 1945 г. прошло болезненную процедуру денацификации и, пусть и не сразу, научилось воспринимать своё тоталитарное и военное прошлое как некую патологию, лечение которой должно быть жёстким. Принятие ответственности за деяния предков, признание вины, откровенный разговор как о жертвах, так и их палачах – всё это отличает современный мемориальный дискурс Германии.

В чём-то тема страданий объединяет немцев, поляков и белорусов. Для последних память о войне – повод поговорить о страдании народа и тайном или явном сопротивлении врагам (имеет место героизация деятелей «подпольного польского государства» и белорусского партизанского движения). Для украинского социума память о войне в настоящий момент ещё приобретает особую остроту в связи с проблемой национального движения и самосознания. Во всех этих странах тема войны, кроме того, связана с темой Холокоста, бывшей долгое время не столько «местом памяти», сколько «местом забвения».

В России же наибольший отклик у общества вызывают темы преодоления трудностей военного времени. Эвакуация промышленности и населения, изматывающая работа во имя победы, тяжёлые лишения жителей тыла, совместный фронтовой опыт представителей всех народов – вот основные темы современного мемориального российского дискурса. Тема же Холокоста нередко обходится стороной во многом потому, что тема нацистских репрессий по отношению к ев-

реям, цыганам и славянам естественным образом перекликается с темой политических репрессий в СССР до и после Великой Отечественной войны [12]. А тема репрессий и вообще эпоха сталинизма очень неоднозначно воспринимается современным российским обществом [11].

В качестве наглядного примера можно рассмотреть организацию музейных пространств в Беларуси и Германии. Культурная память о войне, в частности её накопительная часть, т.е. сохранение артефактов, в этих странах непосредственно наблюдается в виде крупных музейных комплексов, расположенных в Минске (Белорусский государственный музей Великой Отечественной войны), Дрездене (Военно-исторический музей вооружённых сил Германии) и Берлине (документационный и музейно-выставочный центр «Топография террора»). Эти учреждения репрезентируют разные подходы к тому, каким образом можно говорить о войне, подчёркивая темы, о которых шла речь выше.

Минский музей представляет собой крупный комплекс, призванный аккумулировать артефакты, сохранившиеся со времени Великой Отечественной, а также представить их в виде некоей связной истории. Музей задумывался не только как место, в котором собраны вещи, но как мемориал, сакрализирующий память о героях войны, которым посвящён отдельный Зал Победы. В данном случае особенно хорошо видно традиционное для XX века тождество музея и храма, музея и мавзолея [9, с. 17].

Новое здание музея было открыто в 2014 г., над его проектом работали архитекторы Виктор Никитин, Виктор Крамаренко и Андрей Гришан. И хотя само здание выполнено в русле современных архитектурных решений, «идея замысла, облик музея – почти хрестоматийное прочтение истории Великой Отечественной войны, мужества армии и народа, выстоявших и победивших. Несмотря на то, что при создании архитектурного образа логичнее всего было бы избрать бруталистский стиль, авторы сознательно отказались от данного приёма. Главенствующей идеей здесь является Победа, и её золото должно «сверкать» на главном фасаде, решили они» [6]. Наполнение музея и история, рассказанная в нём, тоже довольно хрестоматийны. Обилие вещей, оружия, военных машин – самолетов и танков, манекенов в форме солдат Великой Отечественной войны несколько хаотично, но верно складывается в рассказ о великой победе. В экспозиции последовательно представлена мирная жизнь до

войны, работа тыла, борьба между немецкими и советскими войсками на протяжении войны, освещены крупные военные операции, показаны различные аспекты солдатской жизни. Региональная специфика заключается в подробном рассказе о наиболее драматичных эпизодах немецкой оккупации Беларуси, концентрационных лагерях на её территории, партизанском движении в лесах и подпольном сопротивлении в городах. Таким образом, минский музей является типичным образцом пост-советской культурной памяти, в которой на первое место выдвигаются темы героизации страданий и лишений, а также воспроизводится традиционный нарратив войны, разработанный ещё в СССР. Культурная память в данном случае практически вся подмечена памятью политической, индивидуальными голосами практически не слышны.

Своеобразными антиподами минского музея Великой Отечественной войны являются военно-исторические музеи в Дрездене и Берлине. С одной стороны, при их проектировании также учитывались достижения современной архитектурной мысли. Однако эта мысль вовсе не стремилась сакрализовать музейное пространство, как это произошло в Минске. Облик дрезденского музея, открытого ещё в позапрошлом веке, был основательно трансформирован в конце 1990-х гг. архитектором Даниэлем Либескиндом, который придал старому зданию в стиле классицизма новую динамику, разрезав его надвое огромным металлическим клином. Перестроенное здание стало символом одновременно жестокости мировых войн, раскола Германии и ужасов тоталитаризма [16, р. 17-19]. Музейный и информационно-выставочный центр «Топография террора» (архитекторы Урсула Вильмс и профессор Хайнц В. Халлман) вообще своей архитектурой напоминает огромный ангар, приспособленный для единственной цели – постоянно свидетельства преступлений нацизма [17, р. 98-99].

С другой стороны, экспозиция этих музеев, по сравнению с минским, поражает своей ограниченностью, впрочем, намеренной. Не обилие предметов, но их расположение должно создавать особый эмоциональный фон (Дрезден), не помпезность и взывание к чувствам, но отстранённое и скрупулёзное перечисление преступлений формирует картину прошлого (Берлин). В случае с немецкими музеями также просматривается цель вписать их экспозицию в широкий общеевропейский и даже мировой контекст при современном упоре именно на культурную

память, индивидуальные истории и палачей, и жертв.

Символично, что расположенная между Белоруссией и Германией Польша становится своеобразным мостом для диалога между памятьми агрессора и его жертвы. В качестве примера подобного рода диалога можно указать на деятельность польского фонда «Крейзау (Кшижова) – за европейское взаимопонимание» [13], который одной из главных своих задач считает сохранение памяти и наследия немецкого антинацистского «Кружка Крейзау» [15, с. 9-14], группировавшегося вокруг аристократа Хельмута Джеймса фон Мольтке. Он владел поместьем с таким названием в Силезии, ставшей после Второй мировой войны частью Польской Народной Республики. Именно «в Кшижовой состоялась историческая встреча канцлера ФРГ Гельмута Коля с первым премьер-министром посткоммунистической Польши Тадеушем Мазовецким и была отслужена “месса примирения”» [13].

И характерно, что именно Польша предпринимает попытки соединить все эти памяти в единую европейскую сеть [14, р. 12-13]. Думається, что выдвинутая организацией со штаб-квартирой в Варшаве «Европейская сеть “Память и солидарность”» программа действий и тематических направлений для учёных и общественных деятелей из всех стран Восточной Европы (память и генеалогическая коммеморация; регион – культура – идентичность; память о Холокосте; память о жертвах сталинизма и нацизма; сопротивление, оппозиция и отрицание; общество и семейная жизнь во время диктатуры; последствия диктатуры и тоталитаризма) [14, р. 14-15] может стать новым этапом в преодолении региональных противоречий и сохранения культурной памяти всех стран, победивших и проигравших участниц Второй мировой войны, во всех её аспектах. Тому есть свидетельства в виде работы таких образовательных центров, как «Историческая мастерская в Минске», начатой как коллективный проект белорусской и немецкой сторон [7], что говорит о том, что процесс диалога памяти, начавшийся в Польше, нашёл своё продолжение и в Беларуси. А в дальнейшем этот процесс может начаться и в других странах.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. Государственные праздники Беларуси // Президент Республики Беларусь. Официаль-

ный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: http://president.gov.by/ru/prazdniki_ru/

3. Закон України. Про увічнення перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939-1945 років. – URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/315-19>

4. Зерубавель Яель. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 10-29.

5. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. – Самара: ООО «Книга», 2011. – 448 с.

6. Мартинович В., Крамаренко В. Лучами яркого салюта... // AIS.BY: архитектурно-строительный портал. 09.01.2010. – URL: <http://ais.by/story/3062>.

7. О проекте // Сайт «Историческая мастерская». – URL: <http://gwminsk.com/about>

8. Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: Историческая культура Европы до начала нового времени / Под редакцией Л.П. Репиной. – М.: Круг, 2006. – С. 5-18.

9. Сурикова К.В. Эволюция музейного образа: от мусейона к белому кубу // Вопросы музеелогии. – 2012. – № 2(6). – С. 11-17.

10. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102035634&rdk=3&firstDoc=1&lastdoc=1>

11. Ферретти М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2002. – № 5. – С. 40-53. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/235/985/1219/05f/erretti-40-54.pdf>

12. Эткинд А. Кристаллизация памятников в растворе памяти. Культурные механизмы политической скорби в России и Германии // Культуральные исследования. Сб. статей / Под ред. А.М. Эткинды, П.В. Лысакова. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге; М.: Летний сад, 2006. – С. 126-167.

13. Яцковский М. Кшижова – место международных встреч // Новая Польша. – 2006. – № 10. – URL: <http://www.novopol.ru/index.php?id=711>

14. European Network “Remembrance and Solidarity. Activities 2014/2015. – Warsaw: ENRS, 2015. – 100 p.

15. Schmölders G. Personalistischer Sozialismus. Die Wirtschaftsordnungskonzeption des Kreisauer Kreises der deutschen Widerstandsbewegung. – Kцln: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 1969. – 94 S.

16. The Bundeswehr Museum of Military History / edited by Gorch Pieken and Matthias Rogg. – Dresden: Sandstein Verlag, 2012. – 192 p.

17. Topography of Terror. History of the Site. – Berlin: Shifting Topographie des Terrors, 2010. – 104 p.

18. Ustawa z dnia 24 kwietnia 2015 r. o ustanowieniu Narodowego Dnia Zwycięstwa. – URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=W DU20150000622>